

УДК 821.161.1(091)

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

© 2013 г.

А.Г. Садовников

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

agsad@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

Рассматривается образ чувствительного героя в «Письмах русского путешественника» Карамзина в свете концепции сентиментальной меланхолии. Проанализировано отношение героя к феномену меланхолии. Показаны особенности художественного осмысления эстетического феномена меланхолии в творчестве Карамзина.

Ключевые слова: Карамзин, «Письма русского путешественника», меланхолия, сентиментализм, чувствительность, эстетика.

С 1791 года в «Московском журнале» Карамзин начал публиковать «Письма русского путешественника»¹, которые сыграли важную роль в формировании эстетического сознания «нового читателя».

В целом авторская позиция в «Письмах...» может быть охарактеризована как позиция чувствительно-созерцательного душевного отстранения², поскольку сознание героя, несмотря на его «меланхолические претензии», находится вне духовных сфер меланхолии, которые воспринимаются им не столько лично, сколько извне, как объект размышлений. По справедливому замечанию В.А. Грехнёва, «в предромантической меланхолии скрывается не столько определённо выраженное чувство, сколько рефлексия по поводу чувства. <...> В стихийном течении переживания выделяется созерцающий субъект, отчуждается чувство, превращаясь в объект созерцания» [1, с. 140].

В исследовательской литературе неоднократно подчёркивался воплощённый в «Письмах...» синтез различных традиций европейской литературы путешествий и универсализм их жанровой структуры³. «Скрещение традиций чувствительной, географической и философско-публицистической разновидностей жанра путешествия способствовало органичности синтеза субъективного (эмоционального), объективного (описательного) и рационально-аналитического аспектов повествования» [2, с. 37–38].

Чувствительная душа «русского путешественника», эмоциональным движением кото-

рой направляется его сознание, приобщена к меланхолии, но лишь отчасти.

Уже в начальных письмах книги, где герой ретроспективно осмысляет свою душевную жизнь, моменты меланхолии характеризуются им как серия «припадков», являющихся тягостными, но в некоторых случаях пленительными отклонениями от рациональной доминанты мировосприятия: «*На что ни смотрел – на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сиживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии и где так часто заставало меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные, – одним словом, все, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но зато мыслями и чувствами обильной*» [3, с. 81].

Эмоционально-меланхолический контекст эстетического преломления фактов реальности определяется автором как болезненное исключение, открывающее, однако, новые перспективы восприятия.

В дальнейшем в «Письмах русского путешественника» слово «меланхолия» и производные от него употребляются двадцать пять раз, причём в большинстве случаев их употребление непосредственно не связано с характеристикой душевного состояния автора. Своё отношение к меланхолии автор зачастую выражает косвенным образом, характеризуя людей и жизненные реалии.

Как меланхолика путешественник характеризует «несчастливого Л*»: «Ленца, немецкого автора», которого «глубокая меланхолия, следствие многих несчастий, свела с ума...» [3, с. 87]. «Любезным меланхоликом», склонным к «пасмурным представлениям», он именует А* [3, с. 122]. Человеком, переживающим меланхолические приключения, представлен в «Письмах...» приятель автора Б* [3, с. 311]. Врождённой меланхолией автор мотивирует трагическую судьбу Лорда О*, носившего с самого младенчества «на лице своём печать меланхолии», что в итоге привело его к самоубийству [3, с. 519].

Меланхолическими видятся автору «Писем...» мавзолей, изваянный Пигалем, посредством которого графиня д'Аркур, потеряв супруга, хотела оставить долговременную память своей нежности и печали [3, с. 454], гробница Руссо [3, с. 490].

Долину Гасли он воспринимает как царство меланхолической пустоты: «Нельзя взирать без некоторого ужаса на сии концы земного творения, где нет никаких следов жизни — нет ни дерев, ни трав, — где меланхолическая пустота искони царствует» [3, с. 261].

Как на обитель меланхолии путешественник смотрит на окрестности Женевы: «Там богиня Меланхолия во мишистой своей мантии сидит безмолвно на развалинах и неподвижными очами смотрит на течение веков, которые один за другим мелькают в вечность, оставляя едва приметную тень на земном шаре» [3, с. 336].

В меланхолическом контексте он характеризует английских поэтов: «В английских поэтах есть еще какое-то простодушие, не совсем древнее, но сходное с гомеровским, есть меланхолия, которая изливается более из сердца, нежели из воображения, есть какая-то странная, но приятная мечтательность, которая, подобно английскому саду, представляет вам тысячу неожиданных вещей» [3, с. 572].

В тех случаях, когда путешественник размышляет о причинах меланхолии, он нередко противоречит изначально заданному тезису о «припадках меланхолии» как о драгоценных памятниках «прошедших лет жизни, не обильной делами, но зато мыслями и чувствами обильной» [3, с. 81]: «*Душа, слишком чувствительная к удовольствиям страстей, чувствует сильно и неприятности их: рай и ад для нее в соседстве; за восторгом следует или отчаяние, или меланхолия, которая столь часто отворяет дверь... в дом сумасшедших*» [3, с. 538];

«...в Рочестере обедали, также по-английски, то есть не ели ничего, кроме говядины и сыра. Я спросил салату, но мне подали вялую траву, облитую уксусом: англичане не любят никакой зелени. Ростбиф, бифстекс есть их обыкновенная пища. Оттого густеет в них кровь, оттого делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и нередко самоубийцами. К сей физической причине их сплина (то есть меланхолии, Прим. автора) можно прибавить еще две другие: вечный туман от моря и вечный дым от угольев, который облаками носится здесь над городами и деревнями» [3, с. 359];

«Знаю, что и в Сибири можно быть счастливым, когда сердце довольно и радостно, но веселый климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее, нежели где-нибудь, захочется застрелиться» [3, с. 590].

Несколько язвительно характеризуя меланхолию как душевную патологию, неизбежно приводящую человека либо в «дом сумасшедших», либо к самоубийству, путешественник рационально определяет её причины исходя из принципов географического детерминизма, к тому же апеллируя к античной системе представлений об источниках меланхолии (сгущение крови). Именно рационалистическая доминанта сознания чувствительного героя исключает для него возможность полного приобщения к меланхолии и делает её периоды в большей степени тягостными, нежели приятными:

«Отчего сердце мое страдает иногда без всякой известной мне причины? Отчего свет помрачается в глазах моих, тогда как лучезарное солнце сияет на небе? Как изъяснить сии жестокие меланхолические припадки, в которых вся душа моя сжимается и хладеет?.. Неужели сия тоска есть предчувствие отдаленных бедствий? Неужели она есть не что иное, как задаток тех горестей, которыми судьба намерена посетить меня в будущем?..» [3, с. 401].

В данном случае, говоря о беспричинности меланхолических припадков, герой, тем не менее, пытается объяснить их горестями, бедствиями, разочарованиями и утратами, хотя и перспективно предполагаемыми, но мотивированными реальными жизненными обстоятельствами и не имеющими в себе какой-либо идеальной составляющей. Но чаще всего путешественник мотивирует свою меланхолию теми утратами и разочарованиями, которые происходят с ним в тот или иной конкретный момент путешествия.

Лихорадочно-меланхолическое впечатление производят на него берега Сены близ «Hôtel-Dieu, главной парижской гошпитали»: «Как можно заводить такие больницы в городе? Как можно пить воду из Сены, в которую стекает вся нечистота из Hôtel-Dieu? Ужасно вообразить! Счастлив, кто выедет из Парижа здоровый! — Я спешу в театр, чтобы рассеять свою меланхолию и начало лихорадки» [3, с. 440];

в состоянии меланхолии его приводит несостоявшаяся встреча с А*: «Вообразите друга вашего, идущего в самых горестных размышлениях по берлинским улицам вслед за инвалидом, который нес чемодан мой! Ни огромные дома, ни многолюдство, ни стук карет не могли вывести меня из меланхолической задумчивости. Я сам себе казался жалким сиротой, бедным, несчастным, и единственно оттого, что А* не хотел меня дожидаться в Берлине!» [3, с. 119];

созерцание гробницы Геснера: «Во глубине дикого грота, где чистая вода, струясь с высоких камней, ископала себе маленький бассейн, стоит монумент покойного Геснера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно приехал я в Швейцарию: умолк голос нежного певца ее! В сем тихом гроте, в сем святилище меланхолии душа чувствует томное уныние и погружается наконец в сладкую дремоту» [3, с. 112];

последний день пребывания в «Цирихе»: «В последний раз ходил по берегу Лимматы — и шумное течение сей реки никогда не приводило меня в такую меланхолию, как ныне. Я сел на лавке под высокою липою, против самого того места, где скоро поставлен будет монумент Геснеру» [3, с. 245].

Стремление к рациональному осмыслению понятия «меланхолия» и акцент на материальные факторы при попытках определить причины, её порождающие, в сущности свидетельствуют о желании героя преодолеть её мучительное влияние и гармонизировать своё отношение к миру.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что представления Карамзина о меланхолии в «Письмах русского путешественника» в целом не выходят за рамки культурной традиции, ведущей своё начало от Платона и Аристотеля.

Карамзин, во-первых, критически характеризует меланхолию как врождённую или приобретённую вследствие неких материальных причин душевную патологию, болезнь, грозящую человеку гибельными последствиями (самоубийством или сумасшествием).

Во-вторых, меланхолия для него — синоним печали, грусти, скорби, ужаса, подавленного состояния духа и т.д., которые возникают под влиянием реальных (подлинных или воображаемых героем) жизненных ситуаций, утрат, разочарований.

Безусловно, герой «Писем...» характеризует меланхолию как «тихую», «задумчивую», «приятную», «унылую» и т.д. спутницу вдохновения. Хотя очевидно, что данная ипостась меланхолии, рационально декларируемая автором, не находит последовательного воплощения в поэтике «Писем...», поскольку меланхолическая составляющая внутренней (эмоциональной) жизни героя нивелируется его рассудочностью, не позволяя меланхолии трансформироваться из мимолётного эмоционального «припадка» в неотъемлемую составляющую его духовного мира, определяющую характер его мировосприятия и эстетические взгляды.

Более того, в «Письмах...» моменты меланхолических рефлексий «теряются» на фоне объективно-пластического и рационально-аналитического уровней повествования, составляя лишь малую часть их «повествовательного калейдоскопа» [2].

Примечания

1. Первое полное издание «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина относится к 1797–1800 гг.

2. Сходного рода «отстранённая» авторская позиция в отношении к меланхолии воплощена и в программной элегии Н.М. Карамзина «Меланхолия» (1800–1802).

3. См. исследования Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, В.В. Сиповского, Г.А. Гуковского, В.Э. Вацура, А.С. Янушкевича, О.Б. Лебедевой, П.А. Орлова и др.

Список литературы

1. Грехнёв В.А. Время в элегии // Грехнёв В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: изд-во Нижний Новгород, 1994. 462 с.

2. Лебедева О.Б. Нарративная структура «Писем русского путешественника» в свете национальной повествовательной традиции // Карамзин и время: Сб. ст. / Ред. И.А. Айзикова, А.С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. (Русская классика: исследования и материалы; Вып. 3). 314 с.

3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. 810 с.

THE MELANCHOLIC HERO IN «THE LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELLER» BY N.M. KARAMZIN*A.G. Sadovnikov*

The image of a sensitive hero in «The Letters of a Russian Traveller» by Karamzin is considered in the light of the concept of sentimental melancholy. The analysis of the hero's attitude to the phenomenon of melancholy is given. Some peculiarities of comprehension of the aesthetic phenomenon of melancholy in Karamzin's work are shown.

Keywords: Karamzin, «The Letters of a Russian Traveller», melancholy, sentimentalism, sensitivity, aesthetics.